

Е. Н. СУРТА, к. и. н., доцент БГПУ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В эпоху средневековья устный, бесписьменный характер народной культуры обусловил ее необычайную жизнеспособность и позволил ей сохранить фрагменты архаической картины мира, уходящей своими корнями в глубинный пласт народного сознания с присущим ему мифологическим (мифомагическим) и символическим типом мышления. Это нашло свое отражение в средневековой картине мира, делившей его на «свой», близкий, понятный мир людей («микрокосм») и «чужой мир» («макрокосм»), где сосредоточены силы, неподвластные человеку в обычных условиях — силы природы, боги, мифические существа, умершие предки. Чтобы противостоять агрессии макрокосма, чужого мира, чтобы не случилось засухи или падежа скота, чтобы урожай был хорошим, а охота и рыбная ловля удачными, чтобы застраховать себя от болезней и других несчастий, человек должен постоянно участвовать в разнообразных ритуалах, основное предназначение которых — поддерживать, а в случае необходимости и восстанавливать, это хрупкое равновесие, мирное сосуществование между микро- и макрокосмом.

Христианство выгеснило языческих богов, но изменить привычный образ мира, стереотипы мышления и соответствующий им способ поведения было весьма непросто, ведь основным населением средневековой Европы оставались те же неграмотные крестьяне, из поколения в поколение продолжавшие воспроизводить традиционные формы мышления и быта. Для большинства людей средневекового Запада вся их жизнь ограничивалась кромкой леса. Крестьянские и городские общины — это по сути небольшие практически изолированные прогалины

человеческой цивилизации, окружённые огромными массивами лесов. Для трудового люда лес был источником дохода: там пасли скот, рубили лес, собирали дикорастущие плоды, заготавливали дубовую кору для дубления кож, смолистые вещества для факелов и свечей, мед диких пчел.

Но из лесного пространства исходила и угроза. Лес был для средневекового человека источником вымышленных или действительных опасностей. Это была главная граница, "ничейная земля" между сеньорами и странами, из лесного "мрака" внезапно появлялись голодные волки, разбойники, рыцари-грабители.

Что касается представлений о вселенной, то они были практически одинаковыми как для ученых мужей, так и для невежественных простецов. По одной из концепций средневековая космография допускала, что Земля круглая, неподвижная и находится в центре Вселенной. В XIII в. получили распространение представления о геоцентрической системе движения планет по Птолемею, когда планеты и Солнце вращаются вокруг неподвижной Земли, как центра Вселенной. А центром земли по средневековым представлениям являлся Иерусалим, Восток, который чаще всего помещали на картах наверху, на месте Северного полюса, и который имел своей высшей точкой некую гору, где находился земной рай и брали свое начало четыре великие реки — Тигр, Ефрат, Ганг и Нил.

Люди средневековья по традиции античных географов делили землю на три части — Европу, Африку и Азию, каждая из которых отождествлялась с определенным религиозным пространством. Вообще о далеких странах имелась лишь крайне скудная информация, к тому же часто фантастическая. Так, когда в Европе стала практиковаться картография, то на картах мира, крайне неточных, изображали кроме реальных стран и населённых пунктов, героев библейских или древних времён: рай с Адамом и Евой, Трою, империю Александра Македонского, провинции Рима, святые места, посещаемые паломниками и сцены грядущего «конца света». Подобное слияние истории с географией, времени с пространством очень хорошо отражает своеобразие восприятия мира человеком эпохи средних веков.

Для него реальностью был христианский мир, относительно него христианин и определял свое место по отношению к другим. Индийский океан, который тогда считали замкнутым, был средоточием грёз и неудовлетворённых желаний христианского мира: мечты об островах, богатых драгоценными металлами, редкими породами деревьев,

пряностями; мечты об изобилии, об иной жизни, о разрушении табу, о свободе от предписываемой церковью строгой морали, о полигамии и сексуальной свободе. Но не только дальние страны, а и пространство близкого окружения было слабо исследовано. Протяженность пространства измеряли временем, которое требовалось для того, чтобы его преодолеть (днями пути по суше или по морю), либо временем трудовых затрат необходимых для вспашки определенных участков земли в течение дня (моргенов, журналов и др.). О точности измерения пространства заботились мало. Человек видел в себе «малый мир» — микрокосм, соотнесённый с «большим миром», макрокосмом, ощущал свое внутреннее родство с этим большим миром и мерил его своим движением или частями своего тела (например, ткани мерили локтями и т. п.). В те времена не существовало мер длины или площади, общепринятых в Европе или даже в пределах отдельного государства, — повсюду применяли местные меры. Слабая связь между частями страны, натуральность хозяйства, отсутствие развитых средств сообщения — все это изолировало относительно небольшие человеческие коллективы, обрекая их на самодовлеющую жизнь с собственными традициями и способами измерения пространства. Замкнутый на Земле христианский мир широко раскрывался вверх, в сторону небесного мира. Между земным и небесным мирами, по мнению средневековых людей, не существовало непроницаемых стен. Взаимопроникновение и сплав небесных и земных реалий — это типично для средневековой ментальности.